

УДК 821. 161. 1'37

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье исследуется бытовой дискурс в художественных текстах Н. В. Гоголя, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова. Доказывается, что включение в контекст бытовых деталей – еды, напитков, обстановки, мебели, одежды и под. – играет важную художественную, смыслообразующую, социальную роль в передаче образов героев, отражает духовную, материальную и бытовую национальную культуру.

Ключевые слова: дискурс, художественный текст, бытовая деталь, еда, напитки, национальные традиции.

В настоящее время термин *дискурс* имеет весьма расплывчатые границы. "Многоаспектность дискурса обусловила, в частности, множественность его определений и сравнительно быструю эволюцию в концепциях даже внутри одного и того же научного направления" [2, с. 7]. Вследствие этого каждое определение дискурса, данное разными учеными, несет разные смысловые акценты. Разные варианты типологии дискурса представлены в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Сепанова, Г. Г. Почепцова, В. И. Карасика и др. Так, В. И. Карасик предлагает выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института. Он выделяет политический, дипломатический, административный, юридический и др. виды дискурсов [6].

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – это "речь, погруженная в жизнь", т. е. связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [1, с. 137]. Мы рассматриваем художественный дискурс, а в нем – бытовую культуру именно с этой точки зрения.

Дискурс художественного произведения значительным образом отличается от других видов дискурса – он подразумевает особый характер взаимоотношений и взаимодействия между писателем и читателем, вовлечение культурных, эстетических и личных знаний о мире и отражение особого отношения к окружающей действительности. Главной особенностью художественного дискурса является то, что он отражает духовную, мате-

риальную и бытовую национальную культуру, преобладающую на определенном этапе развития конкретного общества.

Бытовой дискурс -- это языковое отражение реальной жизни, реальной действительности. Дискурсивный подход к исследованию художественных текстов позволяет через конкретные жизненные детали передать дух времени, особенности его восприятия людьми, идеологию, отношения между государственной властью и разными слоями граждан, социальные отношения между людьми. Особенности истории и культуры питания, специфика бытовых условий жизни, мебели, одежды и под. раскрывают внутреннюю социальную жизнь народа, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Ярким примером отражения образа жизни через яркие и разнообразные бытовые детали, является повесть Н. В. Гоголя "Старосветские помещики" [4]. Уже начало повести открывает читателю особый мир, в котором десятилетиями живут два старичка: "Я отсюда вижу низенький домик с галерею... За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежою травкою... длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш и яблочек и проветривающимися коврами...". А ведь это все -- бытовые зарисовки: домик, черемуха, развесистый клен, двор, гусь, гусята, частокол, связки груш и яблочек, проветривающиеся коври и под. Но этими зарисовками гений Н. В. Гоголя погружает нас (особенно современных читателей) в какой-то необыкновенный космос иной, отличной от нашей, жизни -- тихой, уединенной, спокойной. В этом космосе свои удивительные запахи яблочек, слив, вишни, черемухи, свежей травы, и кажется, что ты сам чувствуешь это разноцветье запахов; свои звуки -- фыркание лошадей, крики гусей, "лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки".

В повести чуть ли не половина текста представляет собой описание того, что едят, пьют, заготавливают, запасают два старичка, два уединенных владельца отдаленных деревень: "Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонкою вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем".

Н. В. Гоголь описывает обычный, давно устоявшийся быт двух старосветских помещиков, а за ним встает характер и образ жизни, привычек главных героев: Пульхерия Ивановна -- рачительная хозяйка, любящая,

чтобы дом был полной чашей, чтобы ничего из урожая не пропадало, отпирание и запираание кладовой – как смысл и стержень ее жизни, как уверенность и опора в сегодняшнем дне. А сколько любви и заботы она проявляет к своему мужу, каждый день и час предлагая ему, угадывая и зная все его вкусы и желания, разнообразные коржики с салом, пирожки с маком, рыжики соленые, грибки, разные сушеные рыбки и прочее.

И вот через описание комнат домика, в котором жили наши старички, маленьких, низеньких и очень теплых, через описание комнаты Пульхерии Ивановны, которая была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками, узелками и мешками с семенами, цветочными, огородными, арбузными, клубками с разноцветною шерстью, лоскутками старинных платьев, через поющие во всем доме двери, через разговоры про еду и описание Пульхерией Ивановной рецептов Н. В. Гоголь как-то таинственно-естественным образом подводит читателя к глубинной философской мысли-вопросу: "Боже! – думал я, глядя на него, – пять лет всеистребляющего времени – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? ... в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки".

В другом художественном произведении XX века – романе В. Ильфа и Т. Петрова "12 стульев" [5] – описание еды, органично вписанное в сюжет, играет серьезную роль в передаче социальных отношений и нравственных ценностей, существовавших в советском обществе в описываемое время. "Голубой воришка" Александр Яковлевич украл все, что только было можно в приюте для стариков, которым он заведовал, но ему всегда было стыдно. Что ели старушки? *"Обед был готов. Запах подгоревшей каши заметно усилился и перебил все остальные кислые запахи, обитавшие в доме... Старухи, неся впереди себя в обеих руках жестяные мисочки с кашей, осторожно выходили из кухни и садились обедать за общий стол, стараясь не глядеть на развешенные в столовой лозунги..."*, а лозунги были такие: "Мясо – вредно", "Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу" и под. *"Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал. В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом 1-го сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок"*. Что мы видим через описание обеда у старушек и заведующего? Процветание бесконтрольности, воровства, неорганизованности, запуганности, с одной стороны, и наглости -- с другой. Это еще раз доказывает, что включение в контекст описания бытовых деталей является кратким, емким и при этом серьезным

языковым средством передачи характера взаимоотношения людей, социальных проблем, духа времени.

Описание бытовых деталей может выражать глубинные человеческие эмоции: радость, зависть, тщеславие и под. Вспомним разговор двух литераторов около ресторана "Грибоедов" в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита" [3]: *"– Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий? – Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока! Арчибальд Арчибальдович шепнул мне сегодня, что будут порционные судачки а натюрель... – Умеешь ты жить, Амвросий! – Дома можно поужинать. – Слуга покорный, – трубил Амвросий, – представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюлке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель! Ги-ги-ги! . . "* И вот как автор комментирует этот диалог: *"Что отарные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебрястой кастрюлке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокоитт с шампильоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела погенуэзски? ... тарелочка супа-прентаньер? ... Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршинепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле нарзан?! ... "*

В этом комментарии автора заключен очень тонкий глубинный подтекст. Во-первых, изменение у многих творческих людей (в данном случае – писателей) социального и материального статуса. В данный момент Амвросий, румяногубый гигант, золотистоволосый, пышнощекий поэт, может быть, и не "генерал от литературы", тем не менее находится достаточно высоко на лестнице писательской иерархии: он может обедать в самом "Грибоедове" -- лучшем ресторане Москвы, есть судачки а-натюрель, презрительно говорить о жене Фоки, которая может попытаться соорудить в кастрюлке в общей кухне дома порционные судачки. Сама лексика – кастрюлька, общая кухня – передает реалии быта Москвы того времени. Фока, тощий, запущенный, с карбункулом на шее, находится на низшей ступени этой лестницы. Но комментарий автора говорит о том, что Амвросий даже не представляет, какие дивиденды от литературы может иметь писатель, но эти дивиденды он выражает в виде названий изысканной и дорогой еды, о которых Амвросий, а тем более Фока и представления не имеют. А почему не имеют? Потому что выросли они в эпоху революции и гражданской войны, голода и лишений, после которых судачки представляются высшей формой пищевой роскоши, т. е. М. Булгаков завуалированно показывает уровень жизни советского народа вообще, не имеющего представления о многих материальных не то что удовольствиях, а просто нормальных условиях жизни.

Таким образом, анализ художественных текстов на уровне бытового дискурса показывает, что включение в контекст бытовых деталей – еды, напитков, обстановки, мебели, одежды и под. – играет важную художест-

венную, смыслообразующую, социальную роль в передаче образов героев, "насыщает" текст особенностями описываемой эпохи, отражает духовную, материальную и бытовую национальную культуру.

Список использованных источников

- 1. Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- 2. Борботько, В. Г.** Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике // В. Г. Борботько. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012.
- 3. Булгаков, М.** Избранные произведения // Булгаков М. В 2 т. Т. 1. – Мн. : Маст. літ., 1990.
- 4. Гоголь, Н. В.** Собрание сочинений в девяти томах // Н. В. Гоголь. Т. 2. -- М. : "Русская книга", 1994.
- 5. Ильф, И., Петров, Е.** 12 стульев // И. Ильф, Е. Петров. – М. : Азбука, 2014.
- 6. Карасик, В. И.** О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. - Волгоград, 2000а. - С. 5-20.